

Шу Цзюнь никогда не считал Сюэ Кайчао человеком, способным произнести такие слова. Внезапно услышав подобное требование, он покраснел до корней волос, укрывшись одеялом, и растерянно пробормотал:

— Но я не умею...

Он действительно не умел.

Хотя Шу Цзюнь был актёром, исполняющим роли духов, и рано или поздно стал бы игрушкой для других, в тот момент, когда Сюэ Кайчао забрал его, он действительно не имел опыта в таких делах. С тех пор как они начали спать вместе, до момента, когда они действительно стали близки, прошло всего несколько дней. Требовать от него, чтобы он намеренно громко стонал, было настоящей пыткой.

К тому же, если Сюэ Кайчао просил об этом, значит, это было нужно для чужих ушей. Как Шу Цзюнь мог справиться с такой задачей?

Его удивление и испуг были искренними, а вот опьянение Сюэ Кайчао, казалось, было притворным. Тем не менее, произнося эти слова, Сюэ Кайчао уже стягивал с Шу Цзюня одеяло и начинал раздевать его.

Шу Цзюнь никак не ожидал такого поворота событий. Его тело напряглось, и он лежал на кровати, не смея пошевелиться. Лазурный Цилинь, который в какой-то момент забрался на кровать, начал тереться о его шею и плечи, явно возбуждённый.

— Это дело весьма странное, и эту сцену придётся сыграть до конца. Ты действительно не можешь закричать? — Сюэ Кайчао наполовину объяснял, наполовину размышлял.

Шу Цзюнь поспешно кивнул.

Руки Сюэ Кайчао замерли, и он вздохнул:

— Ладно, я сам справлюсь.

Шу Цзюнь широко раскрыл глаза от удивления: неужели Сюэ Кайчао умеет даже это?

Однако едва эти слова прозвучали, как Лазурный Цилинь, теревшийся о грудь Шу Цзюня, вдруг укусил его за плечо. Шу Цзюнь от боли и испуга громко вскрикнул, и этот звук наверняка вышел за пределы занавесок кровати.

...Так вот что он имел в виду под «сам справлюсь»?

Шу Цзюнь, укушенный, начал беспорядочно метаться, пытаясь сесть, но его схватили и снова повалили на кровать. Лазурный Цилинь был отброшен на другую сторону подушки, и двое оказались так близко, что их щёки почти соприкасались, дыхание смешивалось. От тела Сюэ Кайчао исходил необычный, пугающий жар. Он укусил нежную кожу уха Шу Цзюня, а пальцы, лежавшие на его голове, медленно спустились ниже, чтобы исследовать больше. Они становились всё ближе, и Шу Цзюнь невольно обнял Сюэ Кайчао за шею, всё его тело напряглось, и он дрожал.

Сюэ Кайчао с какой-то странной радостью произнёс почти шутливую фразу:

— Ты всегда любишь говорить «нет». Раз уж так, то говори «нет».

Шу Цзюнь был молод и неопытен, в таких делах его легко было напугать. В панике он отказывался, качал головой и отталкивал Сюэ Кайчао. Однако это не было настоящим сопротивлением. Оба они не были многословны, и Сюэ Кайчао больше действовал, чем говорил, манипулируя Шу Цзюнем по своему усмотрению, редко произнося что-то легкомысленное.

Именно это заставляло Шу Цзюня думать, что даже если Сюэ Кайчао в этом деле более опытен, чем он, — ведь тот знал, как найти подход, и никогда не колебался, — его навыки всё же ограничены.

Но оказалось, что это было не так.

Сначала он ещё помнил, что за пределами кровати кто-то подслушивал, хотя не знал, кто именно, но точно не доброжелатель, и ему было стыдно издавать звуки, которые могли быть услышаны. Потом он полностью забыл об этом, кусая тыльную сторону руки, чтобы заглушить плач, но это не помогало, и его стоны прерывались всхлипами и невнятными словами.

Лазурный Цилинь тоже добавил хаоса, ведя себя более возбуждённо, чем обычно, словно получая удовольствие, оставляя на теле Шу Цзюня несколько красных, почти содранных укусов.

Это поведение даже не выглядело так, будто Сюэ Кайчао его направлял. Обычно спокойный, в таких ситуациях Сюэ Кайчао явно раздражался, отталкивая Цилиня снова и снова, но в конце концов, отвлекаясь, он снова позволял ему приблизиться.

Обычно Шу Цзюнь уже чувствовал себя крайне неловко, но теперь и Цилинь, и хозяин вели себя ещё более настойчиво, и он просто не мог этого вынести. Если в начале это было лишь для того, чтобы обмануть подслушивающих, то потом всё превратилось в чистую распущенность.

После всего Шу Цзюнь свернулся под одеялом, лицом вниз на кровати, чувствуя, что больше не может смотреть в глаза людям. Сюэ Кайчао, будучи человеком, ценящим чистоту, встал с кровати, чтобы намочить чистую ткань, протереть себя и передать её Шу Цзюню.

Шу Цзюнь, краснея, взял ткань и, заговорив, обнаружил, что его голос стал тихим и мягким, что только усилило его стыд:

— Они ушли?

С тех пор как он вошёл для ночного дежурства, за пределами комнаты больше не было ночных стражников, так что этот вопрос явно касался подслушивающих.

Сюэ Кайчао наблюдал, как он вытирается, затем взял ткань и отбросил её в медный таз. Его выражение лица было спокойным и удовлетворённым. Он вытащил Лазурного Цилиня, свернувшегося в одеяле между животом и поясницей Шу Цзюня, и посмотрел на него:

— Не волнуйся, они услышали шум и, естественно, ушли доложить.

Лазурный Цилинь, лежащий у изголовья, свернулся в клубок и заснул. Шу Цзюнь невольно посмотрел на него и даже захотел погладить. Вспомнив, как он вмешивался в их действия, он начал что-то подозревать:

— Что произошло на банкете? Это был банкет семьи Сюэ, разве могли посторонние там что-то

подстроить?

Этот вопрос попал в самую суть, и Сюэ Кайчао не мог не взглянуть на него с одобрением, раскрывая загадку:

— Посторонние, конечно, не могли, но если это свои, то что сложного?

Шу Цзюнь внутренне удивился, но промолчал. Он уже не был тем, кто только что прибыл и ничего не знал о сложной ситуации и проблемах, с которыми сталкивался Сюэ Кайчао. Хотя он был удивлён этими трудностями, он больше не показывал этого.

Сюэ Кайчао, сидя со скрещёнными ногами на кровати, не собирался спать, а вместо этого объяснил:

— В вино на банкете добавили одно снадобье. Если бы я был здоров, оно бы не подействовало, но если бы я был ранен, они смогли бы это выяснить...

Шу Цзюнь почувствовал, как в голове что-то звенит, и его выражение лица стало странным:

— Неужели они использовали...?

Ранее он уже заметил, что тело Сюэ Кайчао было необычно горячим. Неужели семья Сюэ использовала...? Но это было слишком...

Сюэ Кайчао знал, о чём он думает, но не стал раскрывать, просто отрицая:

— Нет, это не так. Это снадобье вызывает лишь смещение меридианов, что очень неприятно.

Шу Цзюнь успокоился, но всё же оставался в недоумении:

— Тогда почему господин...

Неизвестно, когда он научился этой технике говорить намёками. Не потому, что стал более хитрым, а просто из-за сильного стыда.

Остального он не знал, но то, как Сюэ Кайчао проявлял страсть, не могло быть притворным. Почему?

Сюэ Кайчао сидел прямо, смотря на него сверху вниз, и его взгляд был мягким и тёплым, словно с улыбкой. Получив этот взгляд, Шу Цзюнь почувствовал странное волнение в сердце, как будто что-то, что раньше оставалось незамеченным, покатило под лёгким ветерком, вызывая невиданное ранее движение.

— Ты просто не знаешь, я плохо переношу алкоголь, и многие в семье об этом знают. Это действие может показаться немного опрометчивым, но не слишком неожиданным. Они просто подумают, что ты обладаешь необычными способностями, поэтому я так тебя ценю.

Это объяснение Шу Цзюнь не ожидал, и его выражение лица стало сложным. Он хотел что-то сказать, но не мог найти слов.

Он действительно не знал, хорошо ли Сюэ Кайчао переносит алкоголь, а возвращаться пьяным и обнимать наложника было совсем не похоже на него. Хотя между ними были и имя, и факт, Шу Цзюнь не должен был удивляться, но в его сердце Сюэ Кайчао оставался человеком, равнодушным к страстям, чьи желания были редки и умеренны. Он никак не мог представить

себе такого.

В конечном итоге, он всё ещё смотрел на Сюэ Кайчао снизу вверх и не считал его обычным человеком.

Но семья Сюэ была другой. Они, вероятно, предпочли бы, чтобы Сюэ Кайчао был обычным человеком, чтобы можно было использовать его в своих интересах.

Поняв это, Шу Цзюнь на мгновение опустил голову, а затем спросил:

— Если они услышали, то поверят ли?

Сюэ Кайчао не ожидал, что его мысли пойдут в этом направлении, слегка поднял бровь и спокойно спросил:

— В глазах других я похож на человека, который стал бы притворяться?

Конечно, нет. Шу Цзюнь энергично покачал головой. Даже если Сюэ Кайчао и он сам сговорились бы притворяться, Шу Цзюнь всё равно видел его чистым и ясным, как осеннюю луну. Это, вероятно, было иллюзией, создаваемой его внешностью и характером. Посторонним было бы ещё труднее заподозрить, что он может обманывать.

К тому же, по факту, он действительно вернулся пьяным и обнял наложника, просто не слишком воодушевлённо, не притворяясь.

Единственной ложью было то, что он на самом деле был ранен.

Произнеся это, не дожидаясь реакции Шу Цзюня, Сюэ Кайчао вдруг наклонился и погладил его по щеке:

— К тому же, то, что я так ценю тебя, вероятно, им приятно видеть.

Это... Шу Цзюнь уже не мог понять.

<http://bllate.org/book/16142/1445456>